

УДК 94 (470+571) «19»

ББК 63.3 (2) 521. 1–3

КАЗАЧЕСТВО ЮГА РОССИИ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ Р.А. ФАДЕЕВА

Кузнецов Олег Викторович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России

Волгоградского государственного университета

histrus@volsu.ru

Проспект Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Проанализирован политический проект видного консервативного публициста 1860-х – начала 1880-х годов Р.А. Фадеева, предусматривавший широкое привлечение казачества юга России к решению актуальных внешнеполитических проблем. Сделан вывод о том, что казачество могло использоваться как эффективная военная сила и как инструмент колонизации присоединяемых к России земель.

Ключевые слова: казачество, Кавказ, геополитика, колонизация, консервативная публицистика.

После поражения в Крымской войне 1853–1856 гг. российской дипломатии предстояло выработать новую внешнеполитическую стратегию, а России – обрести свое место в новой системе международных отношений. Проблемы внешней политики активно обсуждались не только в правительственных кругах, но и в обществе, в печати. К концу 1860-х гг. достаточно цельная внешнеполитическая программа была сформулирована в сочинениях видного консервативного публициста Р.А. Фадеева: «Шестьдесят лет Кавказской войны» (1860 г.), «Письма с Кавказа» (1864–1865 гг.), «Вооруженные силы России» (1867–1868 гг.), «Мнение о восточном вопросе» (1869–1870 гг.). По его замыслам, обновленная в результате реформ и возродившая свою военную мощь

Россия должна не только играть одну из ключевых ролей в международных отношениях, но и добиваться установления сначала влияния, а потом и господства на сопредельных ей азиатских и европейских территориях. А в перспективе Р.А. Фадееву виделся новый миропорядок, при котором будут доминировать две сверхдержавы – Россия и Америка. Не последнюю роль в воплощении этих замыслов публицист отводил казачеству в целом и казачеству юга России в частности.

Два важных фактора определяли уверенность Р.А. Фадеева в способности казаков оправдать возлагаемые на них надежды. Первый – сам феномен казачества как «явления чисто русского». Публицист был убежден, что из западноевропейца «никакими средствами

не сделаешь казака». Он ссылался, в частности, на признания французских офицеров, приезжавших на Кавказ перенимать русский опыт создания линейных кордонных линий с перспективой использования его в Алжире и пришедших к выводу, что «француз не выдержит такой жизни, и нет у него той жилки, из которой выливается казачья душа» [1, т. 1, ч. 1, с. 136]. То же самое публицист относил и к полякам, долгое время «сидевшим над степью», из которых так и «не выходило казаков». В России же, по уверению Р.А. Фадеева, напротив, формирование казачества – есть процесс естественный, «русский человек складывается в казака сам собой». Он объяснял это различными обстоятельствами – природными, психологическими, историческими: «... дух казачества живет еще, если не в уме, то в крови русского человека <...> в русской натуре до сих пор живет еще столько кочевого, рискованного, так влечет ее к удалым приключениям, так сроден ей простор и вольный разгул, что русский человек, забредший на одну из наших окраин, просыпается казаком» [1, т. 1, ч. 1, с. 93, 136].

Другим фактором была, по мнению публициста, не раз продемонстрированная казаками способность к созидательной исторической деятельности. Главным ее проявлением Р.А. Фадеев называл участие казаков в процессе колонизации новых территорий: «Воины и вместе поселяне, казаки разрабатывают землю, занятую ими с оружием в руках, вносят русское отечество в чуждые пустыни <...>» [1, т. 1, ч. 1, с. 93]. В качестве одного из примеров успешной колонизации Р.А. Фадеев приводил Малороссию. И наоборот – сдерживание колонизаторских возможностей казачества существенно затормозило процесс освоения новых территорий: «... во второй половине XIX века приходится совершать вещи, которые совершились бы сами собой и теми же средствами в XVIII. Доказательств много перед глазами, от устья Кубани до устья Амура» [1, т. 1, ч. 1, с. 211].

Наиболее же ярким выражением исторической деятельности казаков Р.А. Фадеев считал их роль в Кавказской войне. Он признавал, что «одни казаки, конечно, не завоевали бы неприступного Кавказа, которого ни Чингисхан, ни Тамерлан, ни Солиман Вели-

колепный не могли одолеть, но без казаков Кавказ также нельзя было завоевать» [1, т. 1, ч. 1, с. 213]. Под завоеванием публицист понимал не только успешные боевые действия, но и освоение края и его надежную защиту. «На Кавказе было бы невозможно управиться с горами без заселения казаками передовых линий <...> Боевым полкам предстояло выбивать неприятеля из его убежищ, прокладывать дороги, строить станичные ограды и, если ставало времени, даже дома для поселян; казакам-переселенцам – отстаивать за своими оградями новую русскую землю и обрабатывать поля, обгаренные еще свежей кровью. Каждый шаг вперед должен был сопровождаться устройством новых станиц. Горцы сейчас же поняли опасность, которой грозил им новый образ действий. Они говорили: “Укрепление – это камень, брошенный в поле, ветер и дождь снесут его; станица – это растение, которое вбивается в землю корнями и понемногу обхватывает поле”» [1, т. 1, ч. 1, с. 93–94, 150]. При этом Р.А. Фадеев подчеркивал несомненные экономические выгоды от привлечения казачества для охраны завоеванных рубежей: «Казаки защищают пределы не только действующими полками, стоящими казне третью часть против регулярных, и число которых может быть внезапно удвоено и утроено, но еще более массой вооруженного населения. На полевой ли работе, дома ли, все население всегда стоит на часах у опасной границы. Если бы захотели заменить ее действительную силу соответственной силой регулярной кавалерии, то государственные финансы рухнули бы под несоразмерной тяжестью» [1, т. 1, ч. 1, с. 211–212].

Таким образом, Р.А. Фадеев видел достаточно оснований использовать потенциал казачества и в будущем. Возможности, на его взгляд, здесь открывались двоякие: казаки как непосредственная военная сила и как инструмент колонизации. Остановимся на этом подробнее.

Р.А. Фадеев предлагал шире и с большей пользой привлекать казачество к службе в армии, что должно было увеличить ее в количественном и значительно улучшить в качественном отношении. Казаки неоднократно участвовали в европейских военных кам-

паниях, оставили о себе «живые воспоминания», но использовались, по мнению публициста, не в полную меру их возможностей, главным образом как вспомогательные части, а потому недостаточно эффективно: «... казачья сила как военный элемент у нас далеко еще не вполне оценена и приложена к делу» [1, т. 1, ч. 1, с. 212]. Между тем, при правильном использовании казачьих войск, они, по убеждению Р.А. Фадеева, могли «внести в войну новый элемент и доставить нам во многих случаях чрезвычайные преимущества над неприятелем» [1, т. 1, ч. 1, с. 212].

Так, несомненные военные достоинства линейных казаков – «бесстрашные, неутомимые, быстрые, как ветер», «одинаково способные к сомкнутому строю и наездничьей службе» – позволяли использовать их одновременно и как конницу и как пехоту для выполнения различных военных операций, «о которых не слыхали прежде»: блокирование неприятельской армии в ее собственной стране, разъединение сил противника, окружение его войск с тыла и флангов, разрыв сообщений между отдельными колоннами. Р.А. Фадеев находил ненормальной практику формирования кавалерии из крестьян, в то время как в России «живут миллионы природных всадников». Донское войско публицист считал «по духу и преданиям», «первой в свете регулярной конницей»; оно должно стать ядром кавалерии реформируемой русской армии. Достаточно только поделить донцов на постоянные полки и сотни и отделить гражданское управление от строевого войска. После чего можно смело вводить ежегодно по одной донской сотне в состав уже имеющихся кавалерийских полков. Выгоду от такой реорганизации Р.А. Фадеев видел тройную: регулярная кавалерия усилится в военное время наполовину; настолько же прирастет пехота за счет перевода в нее сегодняшних весьма посредственных кавалеристов из крестьян; в мирное время на содержание конницы будет тратиться гораздо меньше средств, столь необходимых «на другие вопиющие потребности».

Таким образом, Р.А. Фадеев был категорически не согласен с бытовавшим в части армейских кругов мнением о том, что с окончанием боевых действий на Кавказе военный потенциал казачества себя исчерпал

и может быть востребован в будущем лишь в ограниченном масштабе. «Казачи принесли уже достаточно пользы русской армии, но они не принесли еще десятой части той пользы, какой можно от них ждать теперь, когда начинает основываться самостоятельное устройство русских сил», – подытоживал публицист свои размышления о перспективах широкого привлечения казачества в армию [1, т. 2, ч. 1, с. 41].

Значительно большую роль Р.А. Фадеев отводил казачеству в деле колонизации новых российских территорий. Здесь, по его мнению, казаки могли с успехом выступать и как надежный инструмент собственно колонизации, и как приграничная стража, столь же надежно охраняющая рубежи осваиваемых земель. Для публициста излюбленной стала мысль о том, что границы России еще окончательно не определились ни на Западе, ни, тем более, на Востоке: «Перед нами слишком много еще кочевых орд и безмерных пространств, в которых будущие русские губернии спят покуда, как младенец в утробе материнской» [1, т. 1, ч. 1, с. 136].

Ключевое место в геополитических построениях Р.А. Фадеева отводилось Кавказу. Утверждение на «Кавказском перешейке» позволяло России установить столь необходимое для нее военно-политическое господство над значительной частью Азиатского региона, вытеснив оттуда европейцев, в первую очередь англичан. Публицист полагал, что «на всем протяжении азиатской Турции, Персии, Туркестана, Афганистана, Монголии и Северного Китая не может быть терпимо никакого европейского влияния, переходящего в господство» [1, т. 1, ч. 1, с. 256]. В противном случае Россия была бы отброшена в своем внешнеполитическом развитии на три века назад, «к временам Грозного, когда она была окружена врагами не только со своих западных, но и с южных, и восточных пределов» [1, т. 1, ч. 1, с. 255]. В то же время усиление влияния России на Востоке рассматривалось Р.А. Фадеевым как укрепление ее позиций и на Западе, поскольку тем самым внимание внешнеполитических противников переключалось с европейских дел на азиатские.

В ходе Кавказской войны в состав России были включены важнейшие в стратеги-

ческом отношении и богатейшие в природном плане Закубанские земли, значение и ценность которых, на взгляд Р.А. Фадеева, в полной мере еще предстояло оценить: «Кубанская область, изобильнейшая всеми дарами природы <...> омывается европейским морем, отстоит на день плавания от Ростова и Трапезунда, на несколько дней – от Одессы и Константинополя, Марселя и Триеста» [1, т. 1, ч. 1, с. 218–219]. Несмотря на уже начавшуюся русскую колонизацию этого края, его освоение, по наблюдениям публициста, далеко от завершения: «... Закубанская страна действительно столь же девственна, как берега Амура. Преемное туземное население прошло по этой почве, но не смяло ее. Странно видеть, до какой степени полумиллионное горское население оставило мало следов человеческого труда посреди могущественной закубанской природы» [1, т. 1, ч. 1, с. 219].

Полная колонизация Закубанской области имела, по мнению Р.А. Фадеева, определяющее военно-стратегическое значение для прочности положения России на Кавказе в целом: «Военное заселение Закубанского края было <...> необходимым условием будущего, для того чтобы прочно оградить весь Кавказский перешеек со стороны Черного моря» [1, т. 1, ч. 1, с. 213]. Осуществить эту колонизацию предстояло вновь создаваемому из линейного и черноморского казачества Кубанскому войску, а также переселенцам-неказакам. Публицист полагал, что она могла быть успешной только при соблюдении ряда условий. Они были сформулированы им при анализе проекта Положения о Кубанском войске. Одно из важнейших условий заключалось в том, чтобы «новый быт казаков», был максимально приближен к «их коренному, древнему быту». Это позволило бы прочно сохранить у казаков их лучшие природные боевые и хозяйственные качества. Поэтому в устройстве Кубанского войска, основу которого составляли линейные казаки, публицист находил необходимым воспроизвести в главных чертах «видовой быт» «линейцев», тем более что в военном отношении он представлял «самые выгодные условия». Так, у линейных казаков отсутствовало сословное деление, у них не было «особенного высшего класса, выделяющегося из народа», что естественным об-

разом снимало проблему внутренней социальной напряженности. В отличие от других казачьих формирований (например, донских или уральских, которые состояли из лиц, собранных на определенное время со всего округа и вне службы, как правило, не связанных ни между собой, ни с офицерами), линейный полк – это «известный поземельный участок». Служащие в нем казаки и офицеры – односельчане, «все дети одной семьи». Поэтому у них «глубоко вкоренен полковой дух», без которого, как был убежден Р.А. Фадеев, «нет настоящего войска». Полк для линейных казаков – «вместе знамя и родина», а слава полка «дорога им как воинам и как гражданам». Вот почему публицист считал необходимым разделить Кубанское войско на «самобытные полковые округа», сохранив при этом «все старые прославленные имена полков».

Р.А. Фадеев напоминал, что в недавнем прошлом линейные казаки имели «почти неограниченную свободу в своей домашней жизни», выбирали полковых командиров (атаманов). Потребности Кавказской войны диктовали введение у казаков строгой дисциплины с подчинением их военному командованию, что неизбежно вело к ограничению некоторых свобод. После «замирения края» настало время, как считал публицист, вернуться к «началам широкого самоуправления»: служебные должности, за исключением начальника полкового округа и его штаба, должны быть предоставлены «народному выбору», все местные дела также следовало передать «решению мира».

На некоторых деталях военной и хозяйственной жизни будущего Кубанского войска публицист останавливался более подробно. Он полагал, что в Кубанском войске без особых затруднений мог быть набран «двойной комплект людей». В мирное время на службу будет вызываться «небольшое количество людей», при необходимости – полк. Это позволит сохранить определенные трудовые резервы, «страна не будет терпеть от отсутствия рабочих сил». В военное время «весь первый комплект кубанских полков» может быть присоединен к действующей армии, другой – «останется для обороны родных гор и, поддержанный населением, будет достаточно силен, чтоб обратить их в неодолимую крепость» [1,

т. 1, ч. 1, с. 217]. Полки, находившиеся на прибрежных территориях, должны были, по представлениям Р.А. Фадеева, нести не конную, а морскую службу. Формировать такие полки следовало из людей, имевших «задатки морского развития»: азовских казаков и женатых матросов, добавляя к ним переселенцев, которые «при этой обстановке скоро станут моряками». Впоследствии прибрежные казаки могли стать «готовым морским резервом» для Черноморского флота.

Полагая, что военная организация Кубанского войска должна сочетаться с созданием благоприятных условий для его «хорошего экономического развития», публицист поддержал ряд заложенных в проекте на этот счет идей. В частности, казаки и офицеры должны были получить право приобретать личную недвижимую собственность, что позволяло «снять с общественной жизни исключительные формы юртового быта». Отдельные казаки при «известной обширности дел» или при «некоторых специальных занятиях» могли вообще не служить, а без какого-либо ограничения, «предаваться производительному труду». В будущем не исключалось преодоление замкнутости казачьего сословия: оно могло стать, с согласия общества, доступным «для посторонних людей». Р.А. Фадеев допускал, что усилий одного только Кубанского войска может быть недостаточно для полного освоения «богатств великолепного Закубанского края». Поэтому земли, оставшиеся после распределения наделов между казаками не занятыми, не должны находиться в войсковой собственности, как на Дону, и лежать, что называется, «мертвым капиталом». Правительство может предоставлять их «частному труду на общих основаниях».

Все названные выше военно-организационные и хозяйственные мероприятия должны были, по убеждению публициста, не только способствовать полному заселению и освоению края, но иметь важные социальные последствия – на Кавказе будет сформирован новый «тип русских людей»: «Кубанская область вырастит породу людей, о которых мы не слышали даже в сказках. Мы увидим русских горцев» [1, т. 1, ч. 1, с. 220]. Будущее региона виделось Р.А. Фадееву, как сошедшее с картины: «Круглолицый, белокуренький русский

мальчик (тип будущего русского горца. – *О. К.*) повезет заезжую туристку на своих лошадках по обрывистым горным тропинкам смотреть с соседней вершины, как встает солнце из-за снегов и тень горы вдруг притягивается через всю область» [1, т. 1, ч. 1, с. 220–221].

Р.А. Фадеев видел трудности, с которыми сталкивалось казачество. В частности, предвзятое отношение к нему со стороны части русского общества и правящих кругов: «Многие у нас смотрят с предубеждением на существование военных особенных областей, каковы все казачьи войска. Они видят в них в юридическом отношении государство в государстве, нарушающее равноправность целого, в экономическом – отвлечение большого числа рук от производительного труда» [1, т. 1, ч. 1, с. 210]. Публицист не принимал подобных претензий в отношении казаков. Он был уверен – даже если содержание казачьих войск убыточно, а их обособленность не вполне вписывается в привычные юридические рамки, участие казаков в боевых действиях, колонизации и обороне новых земель окупает все экономические и правовые издержки: «Казачество нарушает равноправность и уменьшает производительность страны, это верно; но когда человек что-нибудь покупает, он жертвует и не жалеет о жертве, если покупка <...> стоит жертвы; что дал и что получил взамен, – в этом вся речь. Россия при своих беспредельных окраинах не может обойтись без казаков <...>» [1, т. 1, ч. 1, с. 210–211].

С формально-юридической точки зрения, казаки в Российской империи составляли отдельное сословие. После отмены крепостного права тенденция к всесословности проявилась, среди прочего, в стремлении властей на первых порах сблизить казачество в правовом отношении с другими слоями населения. Р.А. Фадеев был противником подобной политики. Публициста не смущала перспектива появления рядом с казаками так называемых иногородних, при условии, что сословные права самого казачества не будут затронуты. Он не опасался, что казаки растворятся в массе неказачьего населения. Скорее, наоборот: Р.А. Фадеев был уверен, что в военном и культурно-бытовом отношении казаки достаточно быстро ассимилируют переселенцев-неказаков.

Иное дело – изменение правового статуса казачества. С одной стороны, Р.А. Фадеев выступал против принципа всеословности, которая воспринималась им как полная бессословность, ведущая к разрушению традиционных устоев русской жизни и, как следствие, к общественной анархии. С другой стороны, публицист боялся, что размывание сословных границ казачества может нанести сильный удар по его достоинству и этническому самосознанию (Р.А. Фадеев воспринимал казаков не только как сословие, но и, если определять в современных терминах, как субэтнос), будет иметь отрицательные социальные последствия: «...казак гордится своим званием и не хочет быть ничем другим, кроме казака. <...> Мне случалось видеть, как вздорный слух, пущенный между казаками об обращении в податное сословие, выводил их из себя. Они в этом случае стояли не за интерес, потому что повинность крестьянина гораздо легче казачьей, а за свою родовую гордость. Казаки необходимы, казаки удовлетворены своим званием и гордятся им. Довольно подобных причин, чтоб оценить как следует эту типическую особенность русской жизни, хоть бы она не подходила под мерку теорий равноправности и выгоднейшего труда» [1, т. 1, ч. 1, с. 212].

Публицист не был согласен и с расхожими утверждениями о том, что «образование новых казаков в настоящее время невозможно <...> оно могло происходить только само собой в прежнее время <...> правительственные меры в этом случае производят лишь вооруженных крестьян, а вовсе не казаков» [1, т. 1, ч. 1, с. 135]. Он ссылаясь на пример двух новых линейных казачьих полков – Лабинского и Сунженского. Ядром их стали линейные казаки, однако большая часть будущих лабинцев и сунженцев состояла из женатых солдат, государственных крестьян и людей без определенных занятий, «искавших себе нового рода жизни». В результате всего через несколько лет «новые казаки стали образцовыми». Существовал, по Р.А. Фадееву, и другой, не менее убедительный признак того, что в России еще не «иссяк источник казачества». Публицист был уверен, что на русских окраинах казачество сохранялось в своем почти первозданном виде: «Россия, при своем

безмерном протяжении, живет еще жизнью разных столетий. На окраинах кавказской, сибирской, киргизской казачество существует еще в тех же условиях, как в XVI веке оно существовало на Днепре и на Дону [1, т. 1, ч. 1, с. 93].

Р.А. Фадеев отдавал себе отчет и в тех трудностях, с которыми власти неизбежно столкнутся при создании новых казачьих полков, привлечении казаков на новые земли. В частности, он не обошел вниманием волнения среди казаков (1-й Хоперский полк и часть Черноморского войска) при попытке их излишне поспешного и массового (цельными станицами) переселения в 1861 г. в предгорья Западного Кавказа [1, т. 1, ч. 1, с. 151–152]. Особо публицист выделял конфликты, возникавшие между переселенными в Закубанский край казаками и коренным горским населением, в частности, «частые насилия над туземцами их соседей-казаков <...> от безнаказанных убийств до мелких оскорблений, побоев, захватов отведенной им (горцам. – О. К.) земли» [1, т. 1, ч. 2, с. 70–71]. При всех своих симпатиях к казакам, в этом случае Р.А. Фадеев вставал на сторону коренного населения. Он видел разницу между местным населением восточной половины Северного Кавказа, настроенным враждебно к русской власти, и населением Закубанского края. Последнее, полагал публицист, не представляло опасности и, лишенное какой-либо общественной организации, легко подлежало обрусению. В Закубанском крае, в отличие от других частей Северного Кавказа, можно было немедленно вводить «чисто русское управление». Любые притеснения коренного населения Закубанского края со стороны власти или казаков-переселенцев подталкивали его к бегству в Турцию. Тем самым Россия лишалась дополнительных рабочих рук и приобретала потенциальных врагов. Вот почему Р.А. Фадеев считал важным и необходимым оградить коренное местное население от насилия со стороны казаков и войск.

Как видим, казачеству в геополитических планах Р.А. Фадеева отводилась роль боевого авангарда. В присущей ему метафорической манере публицист сравнивал казаков с «береговым прибоем русского народа, размывающим понемногу его пределы»; казаки

для России – то же, что и «американские передовые колонисты для Соединенных Штатов». В этом контексте Р.А. Фадеев говорил, что «у России были бы обрезаны крылья, если бы в ней иссяк источник казачества» [1, т. 1, ч. 1, с. 136].

Насколько оправданными были надежды Р.А. Фадеева на казачество? В ходе борьбы вокруг военных реформ, развернувшейся во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг., в вопросе о характере и численности обновляющейся русской армии публицист отстаивал мысль, что России, возможно, уже в недалеком будущем, придется воевать не с одним государством, а как в недавней Крымской войне, с коалицией европейских держав. (Предсказание Р.А. Фадеева едва не сбылось через несколько лет, когда в период очередного обострения восточного вопроса в середине – второй половине 1870-х гг. – Россия вновь оказалась в международной изоляции.) Это потребовало бы содержания многочисленной армии, разорительного для бюджета страны. Поэтому предложение о широком привлечении казаков в действующую армию, особенно во время войны, выглядело вполне резонным. Частично они находились, так сказать, «на самоокупаемости», что снижало издержки государства. К тому же на их подготовку не пришлось бы тратить дополнительных средств, так как казаки были прирожденными кавалеристами, пластунами-разведчиками и имели массу иных природных военных достоинств.

Надежды и опасения Р.А. Фадеева в отношении казачества подтвердились отчасти уже в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Казаки принимали в ней участие как на основном, Балканском, так и на Кавказском театре военных действий, в том числе и там, где развернулись наиболее тяжелые сражения, в частности, за Плевну, Шипкинский перевал, Баязет. За отличия в боях казачество юга России было удостоено различных наград, включая высшие: Войсковые георгиевские знамена получили Донское, Кубанское и Терское войска [2, с. 43–49]. Правда, и здесь сбылись худшие предположения Р.А. Фадеева: казачество вновь было задействовано далеко не в меру своих военных возможностей и способностей [3; 4].

Также отчасти оправдались надежды Р.А. Фадеева на казачество в отношении колонизации Северного Кавказа и поддержания там социальной стабильности. Казачество, наряду с другим населением, активно участвовало в освоении Закубанского края. Авторы коллективной монографии, посвященной истории народов Северного Кавказа, отмечают, что за короткий срок огромная территория была не просто освоена, но превратилась в постоянный источник материальных благ как для русского населения, так и для местных жителей, оставшихся на Северо-Западном Кавказе [5, с. 215]. Казаки приняли участие в подавлении восстания на Северо-Востоке Кавказа в 1877 г., за что Георгиевскими серебряными трубами и Знаками отличия на головные уборы был награжден ряд казачьих подразделений Кубанского и Терского войск [2, с. 47–49]. Вместе с тем сбылись опасения Р.А. Фадеева относительно попыток ущемления интересов казачества. Например, в начале 1870-х гг. часть казаков открыто выражала недовольство тяготами «поголовной» воинской службы, которую приходилось отбывать за свой счет, ограничением прав в распоряжении земельными и лесными угодьями, уничтожением выборной администрации, ежегодным «отрывом от дела» на сборы в период полевых работ и т. д. Выступление казаков станицы Полтавской на Кубани в марте–мае 1873 г. было подавлено войсками [5, с. 330].

Крупномасштабный геополитический проект Р.А. Фадеева по установлению военно-политического господства России над сопредельными европейскими и азиатскими территориями, а в перспективе и фактический раздел сфер влияния в мире между Российской империей и США, каким бы привлекательным он не представлялся на первый взгляд, оказался утопией. Публицист явно переоценивал военно-экономические возможности современной ему царской России, способность самодержавия к социально-экономическому и политическому обновлению страны, соответствующему запросам времени. Следовательно, и казачеству не суждено было сыграть той роли, которую для него отводил Р.А. Фадеев. Хотя отдельные элементы будущего миропорядка, установивше-

гося на несколько десятилетий в XX в., он предвосхитил достаточно точно.

Кзаки как сословие формально перестали существовать с упразднением после Февральской революции 1917 г. сословного деления общества. А вскоре после установления Советской власти начался процесс расказачивания. Но дух казачества, о котором писал Р.А. Фадеев, его обычаи и традиции полностью не исчезли. И они активно и успешно возрождаются в последние десятилетия, особенно на юге России. В современной российской жизни явственно ощущается дефицит подлинных ценностей, нравственного, патриотического начала. И казачество, как действительно крупный исторический феномен, является одной из немногих сил, могущих способствовать восполнению этого дефицита. Видим мы и интерес к казачеству как носителю военных традиций. Поэтому отдельные размышления консервативного публициста позапрошлого столетия о феномене, исторической судьбе, роли казачества и сегодня могут оказаться актуальными и в чем-то небезыntenесными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фадеев, Р. А. Собрание сочинений: в 3 т. / Р. А. Фадеев. – Спб. : Тип. В. В. Комарова, 1890. – Т. 1. – 653 с.; Т. 2. – 578 с.; Т. 3. – 359 с.
2. Рыбалко, Н. В. Казачество юга России в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. / Н. В. Рыбалко // 130 години от руско-турската война (1877–1878 г.) и освобождението на България. – Велико Търново: Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий», 2009. – С. 40–52.

3. Малукало, А. Н. Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг. / А. Н. Малукало. – Краснодар: Краснодар, 2003. – 327 с.

4. Волошина, Е. Е. Участие донского казачества в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. Е. Волошина. – Ростов н/Д, 2006. – 242 с.

5. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / отв. ред. А. А. Нарочницкий. – М. : Наука, 1988. – 659 с.

REFERENCES

1. Fadeev R.A. *Sobranie sochinenii v 3 t.* [Collected Works in 3 vol.]. St.-Petersburg, Komarov's Printing House, 1890, vol. 1, 653 p.; vol. 2, 578 p.; vol. 3. 359 p.
2. Rybalko N.V. *Kazachestvo iuga Rossii v Russko-turetskoi voine 1877–1878 gg.* [The Cossacks of the South of Russia in the Russian-Turkish war of 1877–1878]. *130 godini ot rusko-turskata voina (1877–1878 g.) i osvobozhdenieto na Bulgariia* [The 130th Anniversary of the Russian-Turkish war (1877–1878) and discharge of Bulgaria]. Veliko Tarnovo, Saint Cyril and Methodius University Publ., 2009, pp. 40–52.
3. Malukalo A.N. *Kubanskoe kazach'e voisko v 1860–1914 gg.* [The Kuban Cossack troop in 1860–1914]. Krasnodar, Krasnodar Publ., 2003. 327 p.
4. Voloshina E.E. *Uchastie donskogo kazachestva v russko-turetskoi voine 1877–1878 gg. Diss. cand. ist. nauk* [The Participation of the Don Cossacks in the Russian-Turkish war of 1877–1878. Cnd. hist. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2006. 242 p.
5. Narochnitskii A.A. (ed.) *Istoriia narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.)* [The History of the Peoples of the North Caucase (the end of XVIII c.– 1917)]. Moscow, Science Publ., 1988. 659 p.

THE COSSACKS OF THE SOUTH OF RUSSIA IN R. A. FADEEV'S GEOPOLITICAL PLANS

Kuznetsov Oleg Viktorovich

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History of Russia,
Volgograd State University
histrus@volsu.ru
Prospect Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The political project of a conservative writer of political essays of the second half of the XIX c. R.A. Fadeev (1824–1883), in which a key part is assigned to the attraction of the Cossacks of Southern Russia to solving the pressing foreign policy issues, is analyzed. A conclusion that the Cossacks could be used as a militant vanguard, i.e. military force (infantry, cavalry, reconnaissance) and an effective tool of the colonization of the suburbs of the Russian Empire – is drawn. The conditions under which R.A. Fadeev could implement his plans are revealed. The key condition is the preservation of the identity of the Cossacks as a class and as a sub-ethnos. The historical assessment of the R.A. Fadeev's plans is given.

According to the plans R.A. Fadeev, revived after the reforms of its military power, Russia should not only play a key role in international relations, but also strive for a first impact and then rule on its neighboring Asian and European territories. And in the perspective he saw the new world order, in which there would be two dominating superpowers, Russia and the United States. The Cossacks were assigned an important role in the implementation of these plans by the publicist. This geopolitical project, no matter how attractive it was not for the Russians at first glance, was a utopia. The publicist obviously overestimated the military and economic capabilities of contemporary Imperial Russia, the ability of the autocracy to the socio-economic and political renewal of the country corresponding to the demands of the times. Consequently, the Cossacks were not destined to play the role which was assigned to them by R.A. Fadeev. Although he anticipated accurately the individual elements of the future world order established for several decades in the XX century.

Key words: the Cossacks, the Caucasus, geopolitics, colonization, conservative political journalism.